

Савинов Михаил Авинирович

АРХИЕПИСКОП АСТРАХАНСКИЙ И ТЕРСКИЙ ПАХОМИЙ - ЦЕРКОВНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И КНИЖНИК XVII В.

Статья представляет собой исторический портрет архиепископа Астраханского и Терского Пахомия, годы служения которого пришлись на середину XVII столетия - время возрождения Русского государства после испытаний Смуты. В статье иерарх показан не только как церковный администратор, умело управлявший сравнительно молодой епархией на южных границах Русского государства, но и как литератор - составитель компилятивной исторической энциклопедии, известной в науке под названием Хронографа Пахомия. Созданный Пахомием памятник исторической книжности получил признание современников и активно переписывался в XVII-XVIII вв.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. II. С. 170-176. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 929(092)

Исторические науки и археология

Статья представляет собой исторический портрет архиепископа Астраханского и Терского Пахомия, годы служения которого пришлись на середину XVII столетия – время возрождения Русского государства после испытаний Смуты. В статье иерарх показан не только как церковный администратор, умело управлявший сравнительно молодой епархией на южных границах Русского государства, но и как литератор – составитель компилятивной исторической энциклопедии, известной в науке под названием Хронографа Пахомия. Созданный Пахомием памятник исторической книжности получил признание современников и активно переписывался в XVII-XVIII вв.

Ключевые слова и фразы: история России XVII в.; Русская церковь; хронографы; архиепископ Пахомий; Астрахань; Астраханская епархия; Терский городок; ногайцы; едисане; Тимофей Акундинов; самозванчество; русская книжность; исторические легенды; летописи.

Савинов Михаил Авинирович

Санкт-Петербургский государственный университет

mikjalka@mail.ru

**АРХИЕПИСКОП АСТРАХАНСКИЙ И ТЕРСКИЙ ПАХОМИЙ –
ЦЕРКОВНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И КНИЖНИК XVII В. ©**

Вторая четверть XVII в. стала временем возрождения Русского государства после тяжких испытаний Смуты. Территория страны росла, возвращались отложившиеся в Смутное время окраины, закладывался фундамент будущей империи. В этой же парадигме подъема государственности развивалась русская историческая книжность, важнейшим жанром которой стал хронограф – обширное сочинение, рассматривавшее русскую историю в тесной связке с историей всеобщей.

Административная работа в пограничных областях требовала деятелей решительных и смелых, в то же время – гибких и внимательных к конкретным условиям и ситуациям. Именно такой человек – русский церковный иерарх, возглавлявший в 1641-1655 гг. Астраханскую и Терскую епархию, – находится в центре внимания нашей работы.

Все исследователи, так или иначе касавшиеся биографии Пахомия, отмечали скудость и малочисленность данных о его деятельности [8, с. 30-31; 18, с. 413]. Нам известен сравнительно небольшой набор фактов, который за последние сто лет не расширился. Год рождения иерарха неизвестен, время его активной деятельности, восстанавливаемое по источникам, – период 1638-1655 гг.

Русскую церковь в эти годы последовательно возглавляли четыре патриарха: Филарет (1620-1634), Иоасаф I (1634-1640), Иосиф (1642-1652) и Никон (с 1652 г.). Эпоха 1630-1640-х гг. в церковной истории не отмечена какими-либо серьезными потрясениями: Смута была уже позади, церковная реформа Никона и последовавший раскол – впереди. Преодоление разрушительных последствий Смуты, редактирование и издание духовной литературы, миссионерская деятельность на окраинах огромного государства – вот основные явления русской церковной жизни этого периода.

Достоверных фактов биографии Пахомия немного. Первое известие о нашем герое относится к 1638 г. – он был поставлен архимандритом Новгородского Хутынского Спасо-Варлаамиева монастыря.

Новгород, как и всё Русское государство, в первой половине XVII столетия переживал идеологический подъём, связанный с преодолением кризиса государственности, который страна перенесла в Смутное время. Здесь продолжалась работа по редактированию летописей и хронографов, создавались новые памятники русской книжности.

В числе наиболее авторитетных новгородских книжников, деятельность которых могла оказать влияние на взгляды и предпочтения Пахомия, можно назвать митрополита Киприана (Старорусенкова), уже умершего к моменту появления Пахомия в Новгороде. Как известно, Киприан также был в свое время архимандритом Новгородского Хутынского монастыря (в период шведской оккупации Новгорода) [21, с. 156]. Впоследствии он стал первым архиепископом Тобольским и Сибирским (занимал кафедру в 1621-1624 гг.), затем был поставлен в митрополиты Крутицкие (1624-1626) и, наконец, с 1626 г. и до своей смерти в 1634 г. возглавлял Новгородскую митрополию [9, с. 152]. И в Сибири, и в Новгороде Киприан занимался литературной работой. Традиционно с его именем связывается начальный этап сибирского летописания, однако непосредственно в летописной работе он, по-видимому, не принимал участия. Киприан – вероятный автор так называемого Синодика ермаковым казакам. Позднее, после принесения в Москву ризы господней, полученной в дар от шаха Аббаса, Киприан по распоряжению патриарха Филарета занимался литературной работой, связанной с прославлением новой святыни. В Новгороде при нём был составлен Чиновник Новгородского Софийского собора [21, с. 160-162]. В литературной деятельности этого иерарха есть эпизод, особенно

интересный для изучения Хронографа Пахомия. Нельзя исключать, что именно Киприан мог быть автором «Сказания о Словене и Русе» – легендарной исторической повести о древнейшей истории славян, получившей очень широкое распространение в русской книжности XVII в. – как в летописании, так и в хронографии. Предположение о возможном авторстве Киприана было высказано А. В. Лаврентьевым на основании анализа языка «Сказания», в котором встречаются сибирские мотивы [10, с. 166-167].

Кем бы ни было написано «Сказание о Словене и Русе», оно было создано в Новгороде. Самые ранние его списки относятся к 1630-м гг. Первоначально оно появилось в составе сборников. Первым крупным памятником, в состав которого было включено «Сказание», следует считать или третий разряд хронографа редакции 1620 г. (точное время создания архетипа этого разряда не установлено), или непосредственно Хронограф Пахомия. В последнем «Сказание» имеет ряд характерных чтений, отличающих его и от ранних списков, и от варианта из хронографа 1620 г. Нельзя исключать того, что Пахомий познакомился со «Сказанием» именно в бытность архимандритом в Хутынском монастыре.

В период пребывания Пахомия в Новгороде митрополитом был Афоний [9, с. 154], позднее причисленный к лику святых, но никак не проявивший себя на литературном поприще. Непосредственным предшественником Пахомия и в Спасо-Варлаамиевом монастыре, и в Астраханской епархии оказался Рафаил. Этот активный церковный деятель первой половины XVII столетия в разное время был игуменом Астраханского Троицкого монастыря (около 1619-1632 гг.), позднее игуменом и архимандритом Соловецкого монастыря, в 1636-1638 гг. возглавлял Спасо-Варлаамиев монастырь и, наконец, в период с 1638 г. по декабрь 1640 г. руководил епархией Астраханской и Терской. Существуют свидетельства о строительной деятельности Рафаила в Троицком монастыре и на Соловках, но ничего не известно о каких-либо литературных его занятиях [2, с. 13-15].

В 1640 г. Пахомий был рукоположен в епископы, а в 1641 г. возглавил епархию Астраханскую и Терскую.

В ноябре 1640 г. умер патриарх Иоасаф I. После его смерти Русская церковь более года оставалась без первосвященителя. Выборы нового патриарха состоялись 20 марта 1642 г. В ходе выборной процедуры царь Михаил Фёдорович, вновь лично занимавшийся подбором кандидатов, внёс кандидатуру Пахомия. Любопытно, что в литературе этот факт не отмечен, единственное исключение – капитальный труд митрополита Макария (Булгакова) [12, с. 326]. Другими претендентами на патриаршее звание были архиепископ Серапион Суздальский, игумен московского Богоявленского монастыря Иона, игумен Соловецкого монастыря Маркелл и игумен псковского Святогорского монастыря Макарий.

По решению церковного собора шестым патриархом Московским и всея Руси стал архимандрит Симона монастыря Иосиф. Сам государь, по свидетельствам современников, был не слишком доволен. Время патриарха Иосифа, который вошёл в историю русской книжности XVII в. как автор нескольких поучений и посланий, также не было ознаменовано какими-то резкими потрясениями.

С тем же 1642 г. связан следующий, наверное, самый яркий факт биографии архиепископа Пахомия. Речь идёт о конфликте между русскими властями Астраханского края и ногайской знатью. Для понимания сути этих событий необходимо совершить краткий экскурс в историю освоения русскими Астраханского края и, в том числе, в историю Астраханской епархии Русской церкви.

Епархия Астраханская и Терская, учреждённая в 1602 г., охватывала всё нижнее течение Волги и северную часть современного Дагестана. Название своё она получила по двум главным городам этой области – Астрахани и Терску (или Терскому городку), находившемуся в устье реки Терек.

Астраханская епархия была в XVII в. форпостом православия на малоосвоенном и исторически враждебном пространстве Великой Степи. По выражению И. Саввинского, «Астраханская епархия, очевидно, призвана была служить не столько потребностям и нуждам местного населения, сколько особым видам правительственным» [23, с. 385].

Годом основания Астраханской и Терской епархии традиционно считается 1602 г. Некоторыми авторами прошлых лет эта дата оспаривается, однако современные исследования подтверждают её достоверность [5, с. 49-50].

На протяжении XVII столетия епархия быстро развивалась. Сильнейший урон нанесло ей Смутное время, однако она довольно быстро оправилась от потрясений. Здесь не было местных святых (по крайней мере, до середины XVIII в.), святень, древних христианских центров. Православная вера продолжала оставаться новшеством на этих степных землях, и одним из важных направлений деятельности церкви в Астраханском краю являлась миссионерская деятельность. Несмотря на различные потрясения, постоянную военную опасность со стороны кочевых народов и разбойников, епархия довольно быстро достигла расцвета, и в конце века была преобразована в митрополию [Там же, с. 49].

Самый известный из предшественников Пахомия – астраханских архиепископов, занимавших кафедру до 1641 г., – это Феодосий, герой Смутного времени, активно боровшийся в Астрахани против Лжедмитрия I. Схваченный мятежниками, он был привезён в Москву, где в лицо заявил самозванцу о своём неверии в царское происхождение Лжедмитрия. Феодосий избежал расправы, однако был задержан в Москве и уже после смерти Лжедмитрия принимал участие (совместно с Ростовским митрополитом Филаретом) в перенесении мощей царевича Дмитрия из Углича в Москву. Архиепископ Феодосий умер от болезни на обратном пути в Астрахань в декабре 1607 г. [2, с. 5-6]. Стойкость архиепископа перед лицом Лжедмитрия, его сила духа, проявленная в испытаниях Смуты, способствовали установлению почитания Феодосия в качестве местного святого (на общероссийском уровне он канонизирован не был). Во 2-й половине XVII в. было создано Житие Феодосия, дошедшее до нас в двух редакциях [1, с. 393-394].

Последствия Смуты в Астрахани ликвидировал преемник Феодосия архиепископ Онуфрий. В 1619 г. этот архиерей принимал участие в избрании патриарха Филарета. Онуфрий возглавлял Астраханскую епархию до своей смерти в 1627 г. Правление следующего архиепископа, Макария, было отмечено конфликтами со светскими властями – воеводы обвиняли его в бунте; в свою очередь, Макарий в челобитных на имя царя Михаила Фёдоровича жаловался на притеснения и даже побои со стороны воевод и дьяков [2, с. 12].

Наконец, непосредственным предшественником Пахомия на астраханской кафедре оказался, как уже отмечалось выше, хутынский архимандрит Рафаил, в своё время возглавлявший Троицкий монастырь и хорошо знавший местные реалии. Этого, очевидно, нельзя было сказать о Пахомии, который попал в совершенно незнакомые ему условия. Тем не менее, новый архиепископ очень быстро освоился, и, насколько можно судить по сохранившимся документам, деятельно включился в управление своими владениями.

Основу населения Астраханской и Терской епархии составляли ногайцы (ногайские татары). Между отдельными их кланами непрерывно происходили конфликты. В Смутное время, с ослаблением центральной власти, ногайцы фактически вышли из подчинения русской администрации.

На момент прибытия Пахомия в Астрахань положение выглядело следующим образом. Орда Больших ногаев – довольно рыхлое объединение, состоящее из более мелких общностей – улусов, – кочевала в Прикаспии, от района низовий Яика и Эмбы до нижнего течения Дона. Эти кочевники подвергались воздействию трёх разнонаправленных военно-политических сил. Первой и, пожалуй, наиболее значимой для кочевников силой были русские власти Астрахани. Ногайская Орда занимала важное положение в организации обороны южных рубежей России. Поэтому астраханские воеводы прилагали немало усилий для удержания ногайцев в русском подданстве. Политика русских властей по отношению к ногайцам на протяжении первой половины XVII столетия претерпела значительные изменения. Поначалу воеводы видели главное средство контроля над степняками в разжигании межклановых конфликтов. Они стравливали между собой ногайских мурз, добиваясь «конечного их разорения» и усиления зависимости (в т.ч. сугубо материальной) от Астрахани. Однако в 1622 г. такая политика привела к откочёвке значительной части ногайцев «на крымскую сторону». Впрочем, испытав притеснения со стороны азовцев и казыевцев, мурзы легко согласились вернуться к Астрахани, снова принесли шерть и дали заложников. Но с тех пор русские власти стали более тонко работать с ногайскими предводителями, стремясь не допускать больших распрей и вникая во все затруднения степняков.

Роль архиепископа в отношениях русской власти с аборигенами иногда оказывалась весьма значительной, и ко времени Пахомия относится один из самых ярких подобных случаев. Речь идёт о ситуации 1642 г., в которой Пахомий проявил свои личностные и управленческие качества.

Главный документ, рассказывающий об этих событиях, был опубликован в 1842 г. [13]. Это наказ астраханским воеводам князьям Ивану Голицыну и Семёну Пожарскому. В Наказе приводится обзор русско-ногайских отношений за предшествующий период, пересказываются многие документы, связанные с деятельностью астраханских властей, – отписки из Астрахани, более ранние указы астраханским воеводам.

Итак, в 1642 г. в Астрахань был назначен воевода князь Фёдор Телятевский. В наказе ему предписывалось «к ногайским мурзам, и к юртовским татаром и к едисаном держать ласку и привет, и насилства никакого и продажи не делати, и от русских людей нагайских и едисанских мурз, и нагайских же и юртовских татар и едисанов оберегать...» [Там же, с. 82]. Переходящих с крымской стороны ногайских и едисанских мурз надлежало поименно переписывать, брать у них аманатов (заложников) и держать в Астрахани «на закладном дворе, с великим бережением» [Там же].

В своей отписке от 12 октября 1642 г. князь Телятевский рассказывал о своей деятельности следующим образом. Астраханские власти пытались перевести ногайцев на старые кочевья «Нагайской стороны» (левого берега Волги). Предводители ногайских улусов отказывались, ссылаясь на враждебность к ним калмыков и едисан из родов Урусовых и Тинбаевых, которые уже убили в свое время Мамбет-мурзу Иштерекова и некоторых других вождей. Мурзы обратились к русским властям с просьбой помирить их с едисанскими предводителями, такой мир был непременным условием перехода их на Ногайскую сторону. В контексте этих переговоров в документе впервые упоминается архиепископ Пахомий. Князь Телятевский, посоветовавшись с иерархом, обратился к едисанским мурзам и получил ответ, что те «по государеву указу с ногайскими мурзами помирятся» [Там же]. После состоявшегося замирения и взаимных обещаний недопущения кровной мести и вообще любого насилия ногайцы перебрались, наконец, на свои старые кочевья. Однако вскоре мурзы нарушили принятые обязательства. Одна часть ногайских предводителей снова отправилась на дальние кочевья Крымской стороны, а другая и вовсе ушла вместе с едисанами к калмыкам. За нарушение клятвы многие мурзы и улусные люди были арестованы и посажены в Астрахани на аманатном дворе и «иных дворах».

Так выглядят события в освещении князя Телятевского. Из этого рассказа очевидна измена ногайцев, отплативших чёрной неблагодарностью за покровительство русской администрации. Любопытно, что в историографии встречаются сходные, сугубо положительные оценки деятельности князя Телятевского в Астрахани [25, с. 459]. Но уже следующий пересказанный в Наказе документ рисует этот эпизод совершенно иным образом.

Документ этот представляет собой отписку архиепископа Пахомия от 1 апреля 1643 г. Из текста явствует, что в феврале к Пахомию обратились предводители ногайцев (в том числе кейкуват¹ Джан-Мамет мурза Тинмамметев) и едисан (Алей и Батырша мурзы Урусовы) и подали челобитные «татарским письмом»

¹ Кейкуват (кековат) – один из традиционных титулов ногайской знати. Янмаммет-мурза Тинмамметев оказался последним ногайцем, носившим этот титул.

с жалобами на притеснения воеводы Фёдора Телятевского. Мурзы просили Пахомия направить челобитные царю, что тот и сделал. Из переведённых в Москве ногайских челобитных следовало, что Телятевский разорил самих мурз и разогнал многих улусных людей, а табунных голов «посажал в крепь». Эти «насилства» и послужили причиной перехода многих ногайских предводителей к калмыкам.

Одновременно с письмом Пахомия в Москву было направлено и ещё одно важное послание, возможно, сыгравшее определённую роль в положительном для ногайцев исходе дела. Второй воевода Иван Траханиотов и дьяк Сурьянин Тороканов писали, что стольник князь Телятевский, будучи на государственной службе в Астрахани, «делал всякие государевы дела упрямством, с одним дьяком с Михаилом Патрикеевым, а с нами, товарищами своими с Иваном и с Сурьянином ни о чём не советовал» [13, с. 84].

Показательно, что в этом эпизоде мурзы обратились с жалобами к архиепископу, и в дальнейших инструкциях именно Пахомий будет упоминаться на первом месте среди тех, кому будет поручено «ведать и оберегать» аборигенов края. На князя Фёдора Телятевского и дьяка Михаила Патрикеева была положена государева опала, они были полностью отстранены от дел. Новым воеводой в Астрахань был назначен князь Борис Александрович Репнин. До его приезда делами края должны были управлять Пахомий и второй воевода Иван Траханиотов.

Пожалуй, самый интересный документ, повествующий о русско-ногайских отношениях зимы 1642-1643 гг., – это отписка Пахомия и Траханиотова от 1 октября 1643 г., которая также цитируется в «Наказе» [Там же, с. 85-86]. На основе показаний этого источника мы можем следующим образом восстановить картину событий.

Начиная с середины сентября 1642 г. и до начала декабря несколько ногайских улусов перекочевали из крымских владений под Астрахань. Положение этих ногайцев было печальным: казыевские и темрюкские татары увели в плен множество женщин, детей и часть «улусных людей», а также «отгромили» стада, основательно подорвав благосостояние мурз. Обосновавшись «в Мочаках», ногайцы обратились к русским властям Астрахани (конкретно к воеводе князю Телятевскому) за военной помощью против казыевцев и темрюкцев, прося либо выслать ратных людей, либо отправить посольство с требованием возврата пленных. Князь Фёдор не сделал ни того, ни другого. Более того, астраханский воевода выгнал на голодные места Ногайской стороны тех степняков, которые пришли из-под Азова ранее (в т.ч. кейкувата Янмамета мурзу Тинмамета), а с ними и тех ногайцев, которые вообще никогда не отходили от Астрахани (Би мурзу Иштерекова и некоторых других). Конечно, ногайцы почти сразу же ушли «от животинных безкормицы» обратно в Мочаки, за неповиновение князь Телятевский посадил всех мурз вместе с семьями на аманатный двор, а некоторых даже «роздал за пристава». Улусные люди этих пострадавших мурз присоединились к тем «безприветным» ногайцам, которые тщетно ждали помощи от русских властей против казыевцев. Злоключения кочевников на этом не кончились: в продолжение зимы воевода неоднократно отправлял в Мочаки карательные экспедиции из русских ратных людей и едисанских татар. Надо полагать, что едисанам подобные походы на давних врагов были вполне выгодны. Но, как мы уже знаем, с самими едисанскими мурзами князь Фёдор тоже обходился неприветливо, так что закономерен был уход к калмыкам сначала едисан, а потом и части ногайцев, которые стали также сноситься с казыевцами. Вот в этот момент и закончилась карьера Телятевского.

Ещё до прихода царской грамоты, предписывавшей совершенно отстранить ретивого воеводу от дел, архиепископ Пахомий и второй воевода Иван Траханиотов уговаривали ногайских предводителей никуда не отходить от Астрахани до «государева указу», и обнадёживали мурз «государевым жалованием». После того, как пришли подробные указания из столицы, а Телятевский был посажен «за пристава», Пахомий и Траханиотов предприняли ряд конкретных мер по возвращению ногайцев в русское подданство. К предводителям казыевцев и темрюкцев было отправлено письмо с требованием возврата пленённых осеменя жен, детей и улусных людей ногайских мурз. Во главе посольства был поставлен ногаец Кучук Акбирюев, который, возвратившись в Астрахань, докладывал архиепископу и воеводе об успехе своей миссии – казыевцы и темрюкцы отпустили пленных. Освобождённые ногайцы пришли в Мочаки, где, по распоряжению Пахомия и Траханиотова, получили продовольствие и были отпущены в свои улусы. Стрелецкий голова Яков Молвянинов составил роспись, по которой общее число возвращённых из плена ногайцев составило почти 20 тысяч человек, из них «мужского полу, которые могут на конь сесть», – около четырёх тысяч, а женщин и детей – около 15 тысяч [Там же, с. 86].

Действия архиепископа Пахомия в ситуации 1642-43 гг. показывают, насколько наш герой соответствовал конкретно-историческим условиям, в которых он оказался. Вынужденный заниматься делами светской власти, иерарх успешно разобрался в проблеме, сумел вникнуть в причины сложившейся ситуации и принял решение, наиболее отвечающее сложившемуся положению дел.

Следующий по хронологии факт биографии Пахомия – это его работа над Хронографом, который был составлен в 1649-1650 гг. Об этой работе известно исключительно со слов самого Пахомия – из приписки, которой он сопроводил свой труд.

Приписка эта адресована некоему иеромонаху Мисаилу. Из её текста следует, что Пахомий работал над Хронографом около года, выписывая на столбцы (полосы из склеенных между собой листов бумаги) из различных книг (библейских сочинений, хронографов, летописей) статьи, казавшиеся ему важными. Получившийся материал он отправил Мисаилу с просьбой внести текст в книгу [20, с. 236-237].

Хронограф, созданный архиепископом, дошёл до нас в значительном по сравнению с другими «хронографами особого состава»¹ числе списков. На сегодняшний день нам известна 21 рукопись XVII-XVIII вв.,

¹ Условное обозначение компилятивных хронографических текстов, созданных на основе поздних редакций Русского Хронографа.

содержащих его текст (большинство поздних хронографических компиляций известно в одном-двух списках). Переписывался и сам хронограф полностью, и его летописная часть как отдельное произведение. Если полный текст памятника (он отразился в 10 списках Основной редакции) при этом почти не подвергался изменениям, то летописная часть всегда сокращалась и перерабатывалась. Среди кратких редакций Хронографа Пахомия (11 рукописей, отразивших 6 редакций) абсолютное большинство составляют варианты летописной части памятника, переписанной и обработанной в отрыве от основного текста. В некоторых случаях исходный материал летописной части не только сокращался, но и дополнялся вставками из других источников, т.е. можно говорить о появлении на основе летописной части хронографа Пахомия самостоятельных кратких летописцев [15; 22]. Кроме того, существует одна краткая редакция «полного комплекта» – хронографической и летописной частей Хронографа Пахомия [16].

По своему составу Хронограф представляет собой обширную историческую энциклопедию, основу которой составляют сюжеты, связанные с церковной историей. При составлении этой энциклопедии архиепископ Пахомий использовал множество исторических и богословских текстов. Главным источником памятника стал хронограф редакции 1620 г., материал которого был дополнен разнообразными статьями и выписками.

В круг источников Хронографа Пахомия входят: библейские книги, святоотеческие сочинения, апокрифы (Евангелие Никодима; апокрифическое произведение о крестном древе, приписанное Севериану Гевальскому; «Сказание о святой горе Афонской»), «Исповедание православной истинной нашей веры» Спиридона-Саввы, Степенная книга, внелетописные легендарные повести («Сказание о Словене и Русе», «Предание о основании Москвы князем Олегом», «Сказание о князьях Владимирских»), Хождение Трифона Коробейникова. Наконец, заключительная часть Хронографа принадлежит, по-видимому, самому Пахомию. Эта часть, содержащая яркий рассказ о Смоленской войне и отзывы о патриархах Филарете и Иоасафе I, вызвала значительный интерес как у современников составителя, так и у историков последующего времени.

Необходимо отметить особенности редакторского подхода Пахомия. Несмотря на то, что этот книжник, в отличие от составителя Русского Хронографа, не подвергал свои источники глубокой переработке, а зачастую просто переписывал их, исходные тексты под его пером складываются в цельное энциклопедическое произведение. Легендарные повести, включённые Пахомием в свой труд, несут следы характерной обработки, имеют особенности, отличающие их от других версий, встречающихся в рукописной традиции.

Отдельные редакции и виды Хронографа Пахомия дополнялись по другим источникам. Так, одна из рукописей включает текст «летописца Ф. Ф. Волконского» – набор рассказов о событиях 1634-1650 гг., общим героем которых является князь Фёдор Фёдорович Волконский, герой Смоленской войны 1632-1634 гг. [17]. Поздняя краткая редакция [15] дополнялась по Степенной книге.

Хронограф Пахомия, особенно его завершающая часть, даёт важный материал для характеристики политических взглядов астраханского архиепископа. Круг источников Хронографа свидетельствует о высокой эрудиции составителя. Пахомий использовал некоторые весьма редкие в рукописной традиции сочинения – например, «Изложение о православной истинной нашей вере» Спиридона-Саввы, известное на сегодняшний день в одном списке.

Следующий исторический эпизод, в котором появляется архиепископ Пахомий, мог при неблагоприятных обстоятельствах тяжело отразиться на его судьбе. В начале 1650-х гг. Пахомий едва не был втянут в дело самозванца Тимофея Акундинова. Акундинов выдавал себя то за сына, то за внука (по женской линии) царя Василия Шуйского. Будучи подьячим в приказе Новой Чети в Москве, он около 1643 г. бежал в Польшу вместе с подьячим Константином (Косткой) Конюховским (Конюховым).

Связь Пахомия с делом Акундинова возникла следующим образом. В 1652 г. в Ревеле был схвачен похотельник самозванца Костка Конюховский. В мае Костку привезли в Москву. Под пыткой он подробно рассказал о похождениях Акундинова, начиная с его побега из Москвы в 1643 г. В числе прочих дел самозванца Конюховский описал амбициозный проект похода на Астрахань и Казань с участием турецких войск: «Как Тимошка был в Царегороде, и он у султана помощи себе просил, ратных людей, хотел идти под Астрахань и под Казань; да хотел ему в том помогать Астраханский архиепископ Пахомий и дворовые его люди, потому что архиепископ ему давно знаком и дружен с тех пор, как были на Вологде вместе» [24, с. 1647-1648].

Акундинов между тем скрылся в Голштинии. На требование выдачи самозванца голштинский герцог Фридрих выдвинул встречное требование – вернуть документы, связанные с персидскими торговыми делами голштинцев в 1634 г. Документы были немедленно предоставлены, а выданного Акундинова доставили в Москву, причём по дороге он неудачно попытался покончить с собой, бросившись под колёса телеги [Там же, с. 1648].

На допросе 28 декабря 1653 г. Анкудинов под пыткой показал, что он действительно жил в молодые годы у архиепископа Варлаама в Вологде. Однако Пахомия при этом самозванец не упоминал [19, с. 263-264]. Единственным свидетельством против астраханского архиепископа остался, таким образом, донос Конюховского. Никаких последствий для Пахомия заявление Костки не имело. По-видимому, указание на сочувственное отношение архиепископа к планам самозванца сочли клеветой и не обратили на него внимания. Пахомий сохранил за собой кафедру и управлял епархией до самой своей кончины в 1655 г.

Что значит выражение «были на Вологде вместе» – не вполне ясно. Конечно, нельзя исключать, что Пахомий до поставления своего в архимандриты Хутынские жил в Вологде. Но, насколько мы можем знать Пахомия по его собственному Хронографу и по другим источникам, он ни разу не дал оснований подозревать себя в измене или вообще в нелояльности по отношению к центральной власти. Он скрупулёзно фиксировал в Хронографе события в жизни царской семьи, в описание воцарения Алексея Михайловича внёс полностью формулу

крестоцеловальной клятвы [7, с. 320]. Как мы уже видели, Пахомий пользовался особым доверием царя Михаила Фёдоровича. По-видимому, донос Конюховского действительно имел с реальностью мало общего.

Наконец, последний достоверный факт биографии Пахомия – это его смерть, последовавшая в мае 1655 г. Пахомий скончался во время морового поветрия, свирепствовавшего в Астрахани весной 1655 г. [6, с. 26; 26, с. 8]. Место захоронения иерарха в Астрахани неизвестно. Сведения о его кончине находим в Летописце Петра Золотарёва. Митрополитичий сын боярский Пётр Алексеевич Золотарёв был очевидцем взятия Астрахани войском Степана Разина в 1670 г. и убийства разинцами митрополита Иосифа. Об этих событиях он рассказал в своём «Сказании о взятии Астрахани Степаном Разиным» (текст, известный в литературе под названием Золотарёвского, или Астраханского летописца, представляет собой Пространный вариант Сказания) [3, с. 404-405].

Помимо рассказа о событиях 1670 г., Летописец содержит список астраханских архиереев – предшественников убитого митрополита. «После же того пятый архиепископ Пахомий, и преставился в моровое поветрие во 163 году мая в 31 день» [11, с. 232], – записано в Летописце о смерти Пахомия.

Так завершился земной путь этого деятельного и образованного человека. Составленный им Хронограф мог бы остаться никому не известным произведением провинциального любителя истории, но этого не произошло. Список «Летописчика вкратце» попал в Москву. Вероятно, его вывез князь В. Б. Веригин-Волконский – астраханский воевода, отозванный царём Алексеем Михайловичем в марте 1655 г. именно по причине разразившейся в Астрахани эпидемии [4, с. 321]. Один из ранних списков памятника содержит владельческую запись князя [14, л. 601 об.].

Подводя итог описанию жизни и литературной деятельности архиепископа Пахомия, сделаем следующие основные выводы.

1. Как биография архиепископа Астраханского и Терского Пахомия в целом, так и его литературная деятельность имеют характерные приметы своего времени – эпохи возрождения Русского государства после тяжких испытаний Смуты. Территория страны росла, возвращались отложившиеся в Смутное время окраины, закладывался фундамент будущей империи. Административная работа в пограничных областях требовала деятелей решительных и смелых, в то же время – гибких и внимательных к конкретным условиям и ситуациям. Именно таким и оказался наш герой.

2. В своём Хронографе эрудированный книжник собрал обширный материал по русской и всеобщей истории и проделал над этим материалом определённую редакторскую работу. Труд Пахомия оказался востребованным у позднейших читателей. Успех памятника обусловлен его соответствием идейным запросам «любителей истории». Среди этих запросов на первом месте оказывается представление о легендарной истории славян и Руси, о преемственности между Русью и Византией. Популярность полного комплекта Основной редакции может быть связана также с подробным рассказом о Смоленской войне, который в Эрмитажном виде был дополнен ярким свидетельством участника событий – князя Ф. Ф. Волконского. Впоследствии именно этот вариант текста Хронографа был использован при составлении Летописца 1686 г.

Компилятивный хронограф стал в XVII в. основным носителем исторического знания в среде образованных людей и не утратил этого своего значения и в следующем столетии, уже в пору становления истории как академической науки. Это хорошо видно на примере Хронографа Пахомия, ставшего самым популярным из хронографов особого состава. Искusstная компиляция исторических легенд привлекла внимание московских книжников, а позднее – и читателей из других областей Русского государства (одна из редакций Хронографа создавалась в Соловецком монастыре). Несмотря на относительно малочисленность оригинальных известий, памятник представлялся современникам и потомкам удобной формой хранения исторического знания, а иногда – и трансляции собственного личностного опыта.

Список литературы

1. **Белоброва О. А.** Житие Феодосия Астраханского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 393-394.
2. **Благонравов М.** Архиереи Астраханской епархии за 300 лет ее существования: 1602-1902 гг. Астрахань, 1902. 211 с.
3. **Бобров А. Г., Дробленкова Н. Ф., Салмина М. А.** Золотарёв Пётр Алексеевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 404-406.
4. **Волконская Е. Г.** Род князей Волконских. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 980 с.
5. **Дубаков А. В.** Астраханская епархия в XVI-XVII вв.: спорные вопросы истории // Россия XV-XVIII столетий. Волгоград – СПб.: Изд-во Волгоградского гос. университета, 2001. С. 49-75.
6. **Зиборов В. К.** Пахомий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 25-26.
7. **Изборник славянских и российских сочинений, вошедших в хронографы русской редакции** / собр. и изд. А. Попов. М., 1869. 541 с.
8. **Каменский Н.** Краткая история Астраханской епархии // Астраханские епархиальные ведомости. 1883. № 2. С. 30-31.
9. **Краткий летописец новгородских владык** // Новгородские летописи. Издание Археографической комиссии. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1879. С. 130-171.
10. **Лаврентьев А. В.** Летописный свод 1652 г. как источник для изучения русской средневековой повести XV-XVII вв. // Русская книжность XV-XIX вв. М.: ГИМ, 1989. С. 164-182.
11. **Летописное сказание Петра Золотарёва** // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М.: Наука, 1968. Т. 31. С. 206-233.
12. **Макарий.** История Русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Т. VI. 799 с.

13. **Наказ из Посольского приказа Астраханским воеводам князьям Ивану Голицыну и Семену Пожарскому** // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1842. № 32.
14. **Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 29** (собр. И. Д. Беляева). № 2.
15. **НИОР РГБ. Ф. 310** (собр. В. М. Ундольского). № 755.
16. **НИОР РГБ. Ф. 717** (Соловецкое собрание). № 21/1480.
17. **Научно-исследовательский отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 885** (Эрмитажное собрание). № 565.
18. **Пахомий** // Русский биографический словарь (РБС). Павел преподобный – Пётр (Илейка). СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902. Т. 13.
19. **Письма самозванца Тимошки Акундинова к Путивльскому воеводе князю Семену Прозоровскому и к греку Ивану Петрову, и пыточные речи означенного самозванца** // Дополнения к Актам историческим. СПб., 1848. Т. III. № 73.
20. **Попов А.** Обзор хронографов русской редакции. М.: Тип. Лазаревского ин-та, 1866-1869. Т. 2. 290 с.
21. **Ромодановская Е. К.** Киприан Старорусенков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 156-163.
22. **Российский государственный архив древних актов. Ф. 181. Оп. 1.**
23. **Саввинский И. [И].** Астраханская епархия (1602-1902). Астрахань: Тип. В. Л. Егорова, 1905. Вып. 1. 403 с.
24. **Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 2. Т. 6-10. 1726 с.
25. **Телятевский Фёдор Андреевич** // Русский биографический словарь. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1912. Т. 20.
26. **Штылько А. [Н.]** Астраханская летопись. 1554-1897. Астрахань: Тип. Н. Л. Рослякова, 1898. 126 с.

**ARCHBISHOP OF ASTRAKHAN AND TEREK PACHOMIUS – CHURCH LEADER
AND SCRIBE OF THE XVII CENTURY**

Savinov Mikhail Avinirovich
Saint Petersburg State University
mikjalka@mail.ru

This article is a historical portrait of the archbishop of Astrakhan and Terek Pachomius, who served in the middle of the XVII century – the period of the Russian state revival after the ordeal of the Revolt. The paper shows the hierarch not only as a church administrator, who skillfully managed the comparatively young eparchy at the southern borders of the Russian state, but also as a writer – an author of compilative historical encyclopedia known in science as Chronograph of Pachomius. The monument of historical literacy created by Pachomius was recognized by contemporaries and actively rewritten in the XVII-XVIII centuries.

Key words and phrases: history of Russia of the XVII century; the Russian Church; chronographs; archbishop Pachomius; Astrakhan; Astrakhan eparchy; town of Terek; the Nogays; epy Yedisans; Timothy Akundinov; imposture; the Russian bookishness; historical legends; chronicles.

УДК 124.5

Философские науки

В статье рассматриваются проблема возможности определения бытия как такового и связанная с ней проблема определения бытия индивидуального «Я». Предлагаемое решение данных проблем порождает затруднение гносеологического характера: различение истинности и ложности высказывания, формулируемого индивидуальным «Я», существующим в единстве определённости и неопределённости. Делается предположение, что констатация истинности высказывания связана с переживанием индивидуальным «Я» отдельных моментов течения времени.

Ключевые слова и фразы: бытие; предел; беспредельность; «Я»; экзистенция; свобода; прошлое; будущее; настоящее.

Сиверцев Евгений Юрьевич, к. филос. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Emden1914@mail.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ БЫТИЯ «Я» И ПРОБЛЕМА ВЕРИФИКАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ[©]

Любая категория, используемая в науке, имеет большое количество вариантов определения. Особенно если речь идёт о философии. Но даже на этом фоне определение такой категории как «бытие» выделяется своим многообразием. Причём это многообразие задаётся не только последовательной сменой и сосуществованием различных парадигм (это уж само собой), но и порой возникающими разногласиями внутри одной парадигмы.